

УДК 323.2

DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95

Ю. В. Попова

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» КАК ОПОРНЫЙ ИНСТИТУТ ПЕРСОНАЛИСТСКОГО РЕЖИМА

Даётся характеристика партии «Единая Россия» как партии, появившейся на политическом горизонте, добравшейся до парламентского Олимпа благодаря административной и политической поддержке власти. Данная партия выполняет полезные для режима функции по контролю за парламентской деятельностью, административной элитой, нейтрализации оппозиции. Политические и, в частности, электоральные успехи партии отражают перипетии политической поддержки и политического выбора, с которыми имеет дело власть.

Ключевые слова: «Единая Россия»; партия; персоналистский режим; современная Россия.

Yu. V. Popova

“UNITED RUSSIA” AS THE BASIC INSTITUTION OF THE PERSONALIST REGIME

This article describes the “United Russia” party as a party that appeared on the political horizon and reached the parliamentary Olympus thanks to the administrative and political support of the government. This party performs useful functions for the regime to control parliamentary activity, administrative elite, and neutralize the opposition. The political and electoral successes of the party, in particular, reflect the vicissitudes of political support and political choice that the government is dealing with.

Keywords: “United Russia”; party; personalist regime; modern Russia.

Для нынешнего российского политического порядка уже устоявшейся характеристикой стал авторитаризм. В международных рейтингах (в частности, рейтинги Freedom House, проект Polity IV) эта характеристика актуальна с начала 2000-х гг., и отечественное исследовательское сообщество тоже разделяет эту характеристику, определяя наш политический порядок чаще всего как электоральный авторитаризм, также соотнося его укрепление и расцвет с 2000-ми гг. Да и последние действия власти (и поправки в Конституцию, и реакция на пандемию) тоже вполне соответствуют этой характеристике. Научный интерес к авторитаризму, заявивший о себе особенно заметно в начале нового тысячелетия и обусловленный подъёмом, как количественным, так и качественным, авторитарных режимов как таковых (что даже получило название «авторитарная волна»), привёл к выделению большого числа разновидностей авторитарных порядков. Исследо-

вателем, который во многом сформировал этот интерес научного сообщества к недемократическим режимам, стала Барбара Геддес, выпустившая в 1999 г. рубежную статью «What do we know about democratization after twenty years?» [1]. И ею же была предложена одна из известных типологий авторитарных режимов, которую автор развивала и дополняла в своих последующих исследованиях (конечно, впоследствии эта типология встретила и с критикой за слишком общие критерии, выбранные для выделения разновидностей авторитаризмов, что зачастую не позволяет увидеть их эволюцию во времени и чётко разграничить сами типы авторитарных режимов между собой (см., напр.: [2; 3]). За российским политическим порядком закрепились характеристика электорального авторитаризма, укрепление которого связывается с годами президентства В. Путина. Одной из неотъемлемых черт авторитарного порядка является персонализм (в частности, сама

Б. Геддес отмечала, что яркий лидер может стоять и во главе партии, и во главе армейских сил), поскольку обеспечить и поддерживать электоральное доминирование может заметная, харизматичная политическая персона. Поэтому электоральный авторитаризм с неизбежностью является персоналистским режимом. И здесь как раз актуальными являются наблюдения и выводы Б. Геддес, выдвинутой в качестве одной из разновидностей авторитарного режима персоналистский режим. Для неё весь период постсоветского развития России является авторитарным периодом, где начальной точкой стало противостояние, перешедшее в вооружённый конфликт, Президента Б. Ельцина и Верховного Совета, а затем выборы декабря 1993 г., к участию в которых сторонники Верховного Совета не были допущены (см.: [4]). Поэтому можно проследить, как авторитарный порядок в современной России укреплялся в том числе через свои основные институции, каковыми являются партия и выборы.

Политический режим определяется Б. Геддес как совокупность основных формальных и неформальных правил выбора политического лидера и проводимой политики. Авторитарный режим характеризуется отсутствием справедливых конкурентных выборов, для проведения которых избирательное законодательство меняется в угоду действующего первого лица, исключая неугодных игроков с политического поля и гарантируя первому лицу победу (см.: [5]). Авторитарные режимы разнообразны, поскольку разнообразны те политические акторы, которые держат в своих руках власть. Это могут быть гражданские или военные лица, получившие власть в результате силового захвата, или же по наследству, или же эта власть принадлежит партийной группе. Поэтому Геддес выделила авторитаризмы в виде монархий, партийных, военных режимов и персоналистских. Исследовательница отмечает, что «диктатуры доминирующих партий были наиболее распространённым типом на протяжении большей части второй половины XX в., но после окончания Холодной войны их число сократилось примерно вдвое. Военные диктатуры, хотя и гораздо менее распространённые, чем диктатуры доминирующих партий, также достигли пика в разгар Холод-

ной войны и после неё сокращались. <...> Доля персоналистских же диктатур, напротив, неуклонно возрастала на протяжении всей второй половины XX в., так что эти режимы теперь соперничают с режимами доминирующих партий как наиболее распространённой формой автократии» [5, р. 8–9]. Кроме этого, авторитарные режимы могут существовать продолжительное время, меняя лидеров, меняя типы. Эмпирический материал указывает на то, что завершение существования одного типа авторитаризма не ведёт к его исчерпанию как таковому, а чаще – к возрождению в новом авторитарном облике. Сама Б. Геддес приводит пример Ирана, который в течение XX в. сменил несколько типов авторитарного порядка. Подобную оценку можно дать и российской политической истории XX в.: от монархического авторитаризма к авторитаризму доминирующей партии в советский период и к персоналистскому авторитаризму в постсоветский (см.: [6]). И многочисленные исследования, и непосредственно политическая история недемократических государств конца XX – начала XXI в. показали, что авторитаризм далеко не обязательно завершается переходом к демократии, вполне возможны переходы к другим разновидностям авторитаризма. Сама Б. Геддес, обобщая полученные исследовательские результаты, указывает, что «диктатуры сохраняются после падения диктатора примерно в половине случаев» [5, р. 12]. Наиболее устойчивым, согласно выводам Б. Геддес, является режим доминантной партии (сохраняется порядка 35 лет), наименее – военный режим (сохраняется около 7 лет), персоналистский же режим демонстрирует устойчивость на протяжении в среднем 19 лет (см.: [1, р. 133]). С точки зрения политических перспектив, персоналистский режим – один из самых неблагоприятных: лидеру в нём крайне невыгодно для себя, своей последующей политической и человеческой судьбы решиться на политические шаги в направлении демократизации, поскольку скорее всего он будет привлечён к ответственности за свои политические действия в период нахождения у власти; лидеру остаётся сохранять свою власть как можно более продолжительное время, желательно до конца своих дней, иначе, как показывает

проведённое исследование Б. Геддес, «в персоналистских диктатурах большинство лидеров (69 %) сталкиваются с изгнанием, тюремным заключением или смертью после того, как они покидают свой пост. <...> Лидеры-персоналисты скорее всего столкнутся с проблемами даже после демократических преобразований, потому что их режимам не хватает институтов (например, профессиональных военных или хорошо развитых партий), которые бы сохранялись после смены режима и потенциально могли обеспечить им защиту и гарантии» [5, р. 12]. Поэтому персоналистский режим тяготеет к продолжительному существованию и длительному периоду распада, оставляя после себя политическое и социальноэкономическое пространство, фактически непригодное для последующего эволюционного развития. Персонализм разрушает институты и инициативу, делает невозможным появление оппонентов, поэтому его некому сменить, общество погрязает в персоналистском режиме как в болоте. Б. Геддес подчёркивает, что «персоналистские диктаторы намеренно подрывают национальные институты, такие как военные, правительственные, партийные, поскольку они составляют угрозу их власти. Побочным продуктом является то, что люди, которые могли бы возглавить движение за демократизацию, могут больше не жить в стране (или вообще не жить), а институты, которые могли бы создать новые оппозиционные организации, могут быть уничтожены. Кроме того, маргинализация, изгнание, тюремное заключение или казнь самых способных и самых популярных политиков в правящей партии снижает вероятность того, что партия сможет превратиться в успешного конкурента, если демократия сменит диктатуру. <...> Персоналистские диктаторы сеют хаос в своих странах, угрожают и готовят почву для возобновления диктатуры после их падения» [7, р. 209–210].

Существуя, персоналистский режим создаёт для себя опорные структуры, поскольку без них продолжительность жизни режима сильно сокращается. Одна из важнейших опор персоналистского режима – политическая партия, которая позволяет легитимировать сохранение власти в условиях утверждения института выборов как наибо-

лее признанного в современном мире способа получения и сохранения власти, кооптировать лоялистов в ряды поддержки режима, размывать и минимизировать оппозицию режиму за счёт получения доступа возможных оппонентов к ограниченным благам. «Единственным обоснованием для персоналистских партий является предоставление лидеру средства для победы на выборах и осуществления власти» [8, р. 2]. Важнейшей характеристикой такой партии является её происхождение: она создаётся лидером для закрепления и расширения своих властных возможностей. Эта партия не имеет собственных целей, идеологии, собственных лидеров. Ей присуща организационная слабость. Она – инструмент власти. Б. Геддес обращала внимание на то, что в персонализированных режимах партия, как правило, создаётся лидером перед выборами, чтобы легитимировать свою власть, полученную ранее недемократическим путём (см.: [7, р. 129–153]). Партия и выборы выступают демократической завесой концентрации власти и нейтрализации оппонентов. Полезными функциями, которые выполняет партия в персоналистском режиме, являются: размывание рядов возможных оппонентов, создание широкой, но пассивной, несамостоятельной коалиции лояльных режиму акторов; создание вертикальной структуры, позволяющей контролировать властных функционеров на всех этапах управления; обретение первым лицом возможностей широких действий без контроля со стороны иных властных институтов через подчинение законодательной власти и кадровую политику, проводимую через посредство партийных структур. «Чтобы решить некоторые из своих проблем с реализацией политики, мониторингом и сбором информации, диктатуры создают кажущиеся демократическими институты, такие как выборы, массовые партии и законодательные органы... В обмен на доступ к льготам, помощь и карьерные возможности граждане присоединяются к правящей партии, голосуют и демонстрируют поддержку режима другими способами. Массовые организации также способствуют в основном ненасильственным формам принуждения и социального контроля. Мониторинг местных должностных лиц и сбор информации являются до-

полнительными возможностями распределительных и мобилизационных функций партийных институтов» [7, р. 130]. Ручное управление партией, к которому прибегает автократ, позволяет ему дирижировать действиями представителей элиты, замыкая благополучие её представителей на своей благоклонности к ним. «Диктатор, который контролирует назначения в исполком партии, ни с кем не разделяет эти полномочия. Вместо этого он держит своих сторонников в неуверенности относительно их будущего, чтобы они соревновались друг с другом и упорно трудились, демонстрируя свою лояльность» [7, р. 116]. Таким образом, партия утрачивает функции института, контролирующего поведение лидера, ограничивающего и направляющего его политику. Даже больше, от подобной партии зачастую и не требуется быть полноценным партийным институтом, поскольку она создавалась не для представительства групповых интересов, а для гарантированной реализации властных амбиций автократа. «Партия не обязательно должна быть всеобъемлющей или высоко дисциплинированной организацией, чтобы быть полезной диктатору, а большинство диктаторских правящих партий таковыми и не являются. Даже если партия не может быть использована в качестве организационного оружия, она всё равно строит надёжные патрон-клиентские сети, связывающие инсайдеров режима с членами партии. Предоставление выгод через эти патрон-клиентские сети поддерживает корыстные интересы инсайдеров и членов партии в выживании режима» [7, р. 135]. Кроме этого, важными для закрепления персоналистского режима являются личностные характеристики людей, составляющих подобную партию. Как отмечали М. Род-Парди и Р. Мадрид, «президенты могут наполнить руководство своей партии членами семьи и друзьями, которые будут выполнять их просьбы. Однако даже там, где кумовство не столь распространено, слабо организованные партии часто укомплектованы людьми, которые не имеют ни власти, ни склонности бросать вызов президенту. Действительно, карьерный рост политиков в персоналистских или слабо организованных партиях часто зависит в значительной степени от того, насколько благосклонно они от-

носятся к своему могущественному лидеру. Таким образом, слабо организованные партии, скорее всего, усилят худшие аспекты президентства и могут серьёзно подорвать многие его позитивные элементы» [8, р. 4]. Организационно и персонально слабая партия потворствует властным амбициям первого лица. К тому же, наполнение политического пространства структурами, которые не выполняют своих функций, деформирует политическое пространство, превращая его в пространство симулякров, подделок, лишая его обитателей ясных и твёрдых ориентиров и опор, делая политическое пространство закрытым со всеми негативными следствиями этого.

Если признавать российский политический режим автократичным, то ему с необходимостью должен быть присущ подобный институт провластной партии, или партии власти, как предложил называть подобные структуры В. Брутер (см.: [9, с. 50]). Авторитарность российского политического порядка не сразу утвердилась в полном объёме. На протяжении 1990-х гг. авторитарный персоналистский режим находился в процессе формирования. Налиествовал сильный харизматичный лидер, за которым даже закрепились характеристика «царь Борис» (показательно, что в 1997 г. ВВС выпустила документальный фильм «Царь Борис» режиссёра П. Митчела, а созданный политический порядок получил определение «выборной монархии» [10]). Но только формировались институты политической системы, сама она имела переходный, конфронтационный характер (см., напр.: [11]) и не было ещё одного из необходимых инструментов персоналистского политического порядка – политической партии, посредством которой властвующая персона будет взаимодействовать с обществом, контролировать его и элиту и оберегать власть от появления иных претендентов. Сам партийный институт в эти годы ещё формировался, в силу начального периода своего существования не находя для себя даже специального нормативно-правового регулирующего акта (первый специальный закон о политических партиях появился только в 2001 г.). В 1990-е гг. предпринимались попытки создания партии власти. «В России “партия власти” формировалась в несколько

этапов. В 1993 г. на связь с президентской властью претендовали, но прямой поддержки (даже на уровне публичных заявлений) не получили «Выбор России» и «Партия российского единства и согласия». В 1995 г. «Наш дом – Россия» создавался как «правоцентристское крыло» партии власти, но стал практически единственной такой партией (параллельный «левоцентристский» проект откровенно провалился) и получил 10 % мест по спискам на выборах. В 1999 г. образовалось несколько элитных блоков: «Отечество», слившееся со «Всея Россией», противостоявшее им на выборах «Единство», которые создали две фракции в третьем созыве Думы, а затем образовали в 2001 г. единую партию (с включением и НДР). После выборов 2003 г. в состав фракции «Единой России» вошло большинство независимых одномандатников, а с 2008 г. в Думе существует единая фракция «партия власти», созданная на основе голосования по чисто пропорциональной системе» [9, с. 52]. Здесь следует обратить внимание на то, что эти первые попытки создания опорной партии исходили не от первого лица, а от представителей элиты, и черпали поддержку у неё же. Сам же президент предпочитал сохранять непартийный и надпартийный статус, статус арбитра и актора, свободного от любых ограничений, в частности от тех, которые накладывает принадлежность к партии. И это не только стало традицией, сохранившись фактически без изменений на протяжении 2000-х гг., но и может рассматриваться как одна из отправных точек создания партии власти: если уж без партий современное политическое пространство невозможно, то это должна быть структура, всецело ориентированная на реализацию задач, выставляемых первым лицом, в то время как само первое лицо стремилось избежать любых ограничивающих норм (здесь как аргумент можно указать, например, на конституционно закреплённый статус президента как гаранта Конституции, закреплённых в ней прав и свобод граждан, как силы, которая в единственном своём лице, несмотря на наличие других властных институтов и акторов, определяет основные направления внешней и внутренней политики). Причинно-следственные связи были таковы, что появился лидер, создал во многом

под себя, под свои интересы и представления политическое пространство, закрепил правила игры на этом пространстве. При подобных исходных установках не мог появиться институт партии, который бы направлял действия своего лидера. Конечно, можно указать в этой связи и на недостаточность ресурсов, в том числе и человеческих, организационных для появления партии как самостоятельного политического игрока, как института агрегирования и аккумуляции интересов отдельных групп общества. Атомизация общества, нарастающее недоверие к политическим институтам и политическим игрокам выступают основанием этого. Наверное, можно усмотреть некоторую предопределённость в установках, намерениях акторов, в слабо институционализированном пространстве первых лет существования современной России появление партии власти именно как инструмента и опорной структуры властвующего лица не имело альтернативы. Партия власти как самостоятельный актор была лишена субъектности изначально, и очень скромные электоральные успехи первых образцов партии власти об этом свидетельствуют. Конечно, нельзя не принимать в расчёт и сложное социально-экономическое положение избирателей, которые не могли проголосовать за «Выбор России» во главе с тем, кто в глазах общества был в значительной степени ответственен за их бедственное положение, а электоральные неудачи партии «Наш дом – Россия» связаны во многом с низким рейтингом президентской власти как таковой, с каким она подошла к 1995 г., ещё сильнее обозначившись к середине 1996 г. Это демонстрирует сильную зависимость околотовластных или провластных партий от рейтинга и популярности самой власти, т. е. как автономный, как самодостаточный субъект такие партии не существуют. С изменением отношения к властвующему лицу со стороны населения изменились и политические перспективы партии власти. Политическая биография «Единой России» прямо это подтверждает.

Она появилась на политическом небосклоне после вступления в должность нового президента с совершенно иным, нежели у ушедшего президента, рейтингом и имиджем. Конечно, как предписывала сложив-

шаяся политическая традиция и политические намерения первого лица, он не встал во главе этой партии, но всегда публично подчёркивал свою поддержку этой партии, её инициатив и действий, а партия стало прямо именовать себя партией президента. В своей программе партия прямо указывает, что «Нужно было возрождать сильную государственность, укреплять суверенитет страны. Борьба с бедностью и создание мощной современной экономики. Для реализации этого стратегического курса Президентом России В. В. Путиным и была создана Партия “Единая Россия”»¹. Причём сама эта предвыборная программа предваряется эпиграфами из выступлений В. Путина и Д. Медведева (он хотя и возглавляет партию, но его слова приводятся вторыми). А секретарь генсовета А. Турчак по итогам президентских выборов 2018 г. заявил: «Результаты выборов и активность “Единой России” в очередной раз доказали наше право называться президентской партией»², хотя сам победитель, как известно, шёл на выборы самовыдвиженцем. Но «Единая Россия» при этом активно участвовала в сборе подписей, агитации и подготовке наблюдателей на этих выборах. А в рамках подготовки к выборам в единый день голосования 9 сентября 2018 г. «Кремль разрешил единосроссам использовать слоган “Единая Россия’ – партия президента” на выборах в регионах с наиболее сложной ситуацией»³. В этом – не только второстепенный в сравнении с президентом статус партии, но и её несамостоятельность в принятии решений, отсутствие достаточных ресурсов для автономной электоральной борьбы. Одним из наиболее заметных свидетельств этого стала так называемая «рокировка», озвученная на партийном съезде в 2011 г., но содержание которой было неизвестно для членов партии до момента объявления о ней.

Партия бедна на ярких лидеров: позиционируя себя как партию президента, она с неизбежностью делает своих партийных функционеров лишь пешками, инструментами, а не самостоятельными игроками, которые способны принимать независимые от президентской власти решения. Сначала партия возглавлялась Б. Грызловым, в 2008 г. Путин стал её лидером, но не вступил в неё,

затем в 2012 г. партия получила главенство Д. Медведева, но персона президента всё равно оставалась определяющей для её курса. Так, на парламентских выборах 2007 г. было введено в оборот понятие «план Путина», обозначавшее социально-экономическую и политическую программу президента, которую партия брала за основу, притом что сам президент имел к партии опосредованное отношение. Эта внутренняя обезличенность партии даёт о себе знать и в нечистоплотности партии к своим партийным кадрам, к безразличию в отношении случающихся периодически скандалов с представителями партии, в сохранении в рядах партии персон с неоднозначной репутацией (даже зачастую отсутствие в отношении этих персон внутрипартийных разбирательств по вскрывшимся неблагоприятным фактам). Поэтому, конечно, партию вполне справедливо определить как структуру, чья главная функция – выдвижение и продвижение нужных кандидатов на выборах и в последующем контроль за пространством законодательной власти и выборными должностными лицами. Ведь благодаря проведённым в 2000-е гг. реформам избирательного законодательства партии остались единственными институтами, обладающими легальной возможностью и ресурсами для участия в избирательных кампаниях, а «Единая Россия» – благодаря своей аффилиации с властью – и наиболее надёжной возможностью продвижения в рамках политической и управленческой карьеры. Участие в выборах через и при помощи партии давало более гарантированный вариант попадания в законодательную структуру или на выборную должность, но отсутствие единой чёткой устоявшейся партийной идеологии, наличие внутренних, порождённых общественной жизнью, а не властным распоряжением, стимулов к партийному строительству и партийной деятельности превращало партии, по выражению А. Кынева, в «своеобразный “Ноев ковчег”», куда «элитные группы хлынули... выбирая их же уже во многом по принципу безысходности. И тяжелее всего в этом смысле стало, в первую очередь, самой “Единой России” – самой привлекательной партии для любых карьерно ориентированных политиков и бизнесменов, приток которых власть сама стимулировала всеми

возможными способами. В целом в «Единой России» сегодня можно найти бывших членов всех существовавших и существующих российских партий» [12, с. 35]. Но при этом ещё и результатом политики власти в отношении партийного и избирательного законодательства стала невозможность предлагать решение актуальных общественных проблем через создание и деятельность новых партийных структур, загоняя тем самым споры по подобного рода вопросам на уровень внутрипартийной борьбы, межличностной внутрипартийной конкуренции и конфликтов. Дефицит каналов вхождения во власть и даже влияния на власть делает партийный институт весьма востребованным, но не для представительств общественных, а прежде всего своих частных интересов и реализации личных устремлений. Я. Шашкова показывает, что как на федеральном, так и на региональном уровне политики выстраивают партии под себя, наполняют их нужными для себя кадрами, а предвыборная и не только повседневность партий, их региональных отделений наполнена межличностными конфликтами, борьбой за власть. «...Современные политические партии, в том числе на региональном уровне, представляют собой сложный конгломерат экономических, политических и бюрократических интересов, формальных и неформальных отношений, обладающих собственной исторической реальностью и механизмами политического руководства. Ведущую роль в них играет партийная элита, обеспечивающая координацию интересов и ресурсов, представленность партий в медиапространстве и органах власти. А потому по мере расширения полномочий и ресурсной базы партий, формирование партийной элиты из добровольного соглашения активистов превратилось в жёсткую борьбу, проходящую под контролем исполнительной власти федерального и регионального уровней» [13, с. 168]. «Единая Россия» в данных обстоятельствах выступает как наиболее востребованный и потому высоко конкурентный канал приобщения к властному ресурсу, что даёт возможность политическому лидеру, каковым является президент, иметь свободу действий и отсутствие ограничений и требований со стороны партийной структуры. Напротив, именно она, её

персональные представители, выступают выгодоприобретателями лояльного и исполнительского отношения к распоряжениям и инициативам, исходящим сверху. Подобного рода ситуация не ограничивает, а усиливает, усугубляет персоналистский характер власти, лишая её необходимых инструментов самоконтроля.

Дополнительными штрихами к подобного рода характеристике является исследование Ю. Г. Кургунюка и Е. Ю. Мелешкиной, показавшее, что внутрипартийная конкуренция в партии существует, но не носит идеологического характера, усиливаясь на уровне высших партийных этажей. «Многие декларированные в уставе нормы носят имитационный характер. Опрошенные члены партии дорожат своим партбилетом в той мере, в какой обладание им способно принести некие дивиденды» [14, с. 124]. Чем ниже по партийной лестнице и ближе к рядовым членам партии, тем меньше вовлечённость и даже осведомлённость о внутрипартийных процессах и дискуссиях. Партия выступает как полезный ресурс в плане приобщения к власти и сохранения её, пользования теми благами, которые от этого производны. Но при этом партия, конечно, совершенно не самостоятельна в принимаемых решениях и проводимой политике, да и нет у неё инструментов для реализации собственных идей и целей, за неимением последних.

«Единая Россия» являет собой тем самым яркий образец партии, обслуживающей интересы персоналистского режима. И периодически появляющаяся информация о смене этого партийного проекта другим, о слиянии с Общероссийским народным фронтом служат тому лишним подтверждением. На политическом горизонте эта партия будет находиться до тех пор, пока сможет выполнять полезные для режима функции, пока её отрицательный имидж не будет опасен для режима. Так, по результатам единого дня голосования 8 сентября 2019 г. «Единая Россия» получила гораздо более низкий электоральный результат при голосовании по партийным спискам, чем на выборах по мажоритарным округам. «Партия власти сохраняет перевес по общему числу побед в мажоритарных округах, но ситуация для неё ухудшается, особенно в крупных городах

и наиболее протестных регионах» [15, с. 2]. Теряя поддержку как партия, «Единая Россия» выигрывает за счёт «проходных» политических персон, закрепляя тем самым систему клиентелистских отношений в партии и с партией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва. – URL: <https://er.ru/party/program/> (дата обращения: 23.03.2020).

² Партия путинского большинства // Коммерсантъ. – 22.03.2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3580632> (дата обращения: 23.03.2020).

³ Работа на рейтинг: зачем «Единой России» ассоциация с Путиным // РБК. – 22.08.2018. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2018/5b7c511d9a794749929c512f> (дата обращения: 23.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. – 1999. – № 2. – P. 115–144.
2. *Lidén G.* Theories of Dictatorships: Sub-Types and Explanations // Studies of Transition States and Societies. – 2014. – Vol. 6. – Iss. 1. – P. 50–68.
3. *Kailitz S.* Classifying political regimes revisited: legitimation and durability // Democratization. – 2013. – Vol. 20, No. 1. – P. 39–60.
4. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Breakdown and Regime Transitions // Perspectives on Politics. – 2014. – Vol. 12 (2). – P. 313–331.
5. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* New Data on Autocratic Regimes. – Sept. 8, 2012. – 32 p. – URL: <http://www.personal.psu.edu/jgw12/blogs/josephwright/pp9.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).
6. *Попова Ю. В.* О типологическом соответствии современного российского политического режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 4. – С. 175–181. – DOI: 10.24147/2312-1300.2019.4.175-181.
7. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* How Dictatorships Work. – New York, NY : Cambridge University Press, 2018. – 270 p.
8. *Rhodes-Purdy M., Madrid R. L.* The perils of personalism // Democratization. – 2019. – № 4. – P. 1–20.
9. *Макаренко Б. И.* Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 42–65.
10. *Шевцова Л.* От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // Современная Европа. – 2000. – № 4. – С. 20–31.
11. *Саква Р.* Российский режим: от Ельцина к Путину // Россия и современный мир. – 2002. – № 4. – С. 5–23.
12. *Кынев А. В.* Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 4 (102). – С. 24–37.
13. *Шашкова Я. Ю.* Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990-х – 2000-е гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 162–171.
14. *Коргунюк Ю. Г., Мелешкина Е. Ю.* Организационное устройство «Единой России» и Партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 95–128.
15. *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Итоги голосования и результаты выборов 8 сентября 2019 года : анализ. докл. № 6 по Мониторингу выборов 08.09.2019. – URL: http://liberal.ru/files/articles/7409/Vibory_2019.Itogi.pdf.

Информация о статье

Дата поступления
12 июня 2020 г.

Дата принятия в печать
10 июля 2020 г.

Сведения об авторе

Попова Юлия Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ju.popowa@yandex.ru

Article info

Received
June 12, 2020

Accepted
July 10, 2020

About the author

Yulia V. Popova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History and Political Science of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ju.popowa@yandex.ru

Для цитирования

Попова Ю. В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 3 (27). С. 87–95. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95.

For citations

Popova Yu.V. "United Russia" as the Basic Institution of the Personalist Regime. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2020, vol. 7, no. 3 (27), pp. 87-95. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95 (in Russian).